

Людмила *детективный роман*

МАРТОВА

*Она готова
на все, чтобы
узнать правду*

**ДНЕВНИК
С ПРИЗНАНИЕМ
В УБИЙСТВЕ**



Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой

Людмила Мартова

Дневник с признанием в убийстве

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Дневник с признанием в убийстве / Л. Мартова — «Эксмо»,
2026 — (Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой)

ISBN 978-5-04-250132-6

Маша, молодая библиотекарь из Новосибирска, переезжает в Санкт-Петербург к бабушке — бывшей балерине, которая ставит условие: внучка должна прожить с ней год, чтобы получить квартиру в наследство. Маша погружается в атмосферу старого петербургского дома, знакомится с соседями — театральными людьми. Вскоре выясняется, что тридцать лет назад в этом доме произошло убийство актера, и отец Маши был осужден за это преступление. А потом девушка случайно находит дневник бабушки с шокирующей записью: «Сегодня я убила Антона». Решив разобраться в семейной тайне и спасти доброе имя отца, она начинает собственное расследование... Увлечательность, легкий стиль, узнаваемые женские образы — отличительные черты романов Людмилы Мартовой. На фоне захватывающей детективной интриги автор в легкой доступной форме непринужденно разбирает непростые житейские ситуации, в которых может оказаться любая читательница, и ненавязчиво подсказывает пути выхода из них.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250132-6

© Мартова Л., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

13 января 1996 года	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Людмила Мартова

Дневник с признанием в убийстве

© Мартова Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Все события вымышлены.

Любые совпадения случайны.

13 января 1996 года

Сегодня я убила Антона.

Разумеется, я не планировала так поступать. Более того, если бы я только знала, что наш разговор закончится подобным образом, я бы ни за что его не начала. Что ж, приходится признать, что я с самого начала неправильно оценивала ситуацию. Так странно, я привыкла гордиться своей интуицией, да и Павел всегда говорил, что я чувствую все, как кошка, и эта способность сразу постигать суть вещей у меня врожденная.

Павел... Если бы он был жив, все было бы иначе. Как же бесповоротно, как же безвозвратно изменили меня те годы, что его нет рядом. Сначала я потеряла его, а потом, почти сразу, Володю. Наверное, моя главная вина как раз в том, что сын стал чужим мне человеком. Может, стоило проявить гибкость, подладиться, стерпеть, смолчать. Но тогда это была бы не я. А сохранить себя и свою индивидуальность всегда было для меня задачей номер один. Павел это понимал. Даже Павел с его неукротимой волей к главенствованию во всем. И вот Володя приехал, и все запуталось окончательно.

Если бы не он, я бы не поступила с Антоном так. Но кто ж знал, что мальчик способен так остро чувствовать. Я совершенно не понимаю, что делать теперь, после того, как нанесла непоправимый удар. И дело не в совершенном мною смертном грехе, а в том, что мне теперь предстоит разбираться с его последствиями. Сделанного не исправить, но ничего не предпринять я не смогу. Придется выбирать из нескольких вариантов, и все они плохие. Буду думать!

Глава первая

Маша открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Вместо привычного низкого, давно не беленного потрескавшегося потолка со старым рожковым светильником, над ней было казавшееся бесконечным пространство, все-таки заканчивающееся довольно высоко потрясающей лепниной с розеткой посередине. От розетки отходила не менее потрясающая хрустальная люстра, каждая подвеска которой переливалась в свете уличного фонаря, проникающем через незашторенное окно, словно это часть бриллиантового кольца королевы Анны.

В голове мелькнуло какое-то смутное воспоминание. Когда-то очень давно Маша уже лежала вот так же в кровати и, затаив дыхание, рассматривала королевскую люстру и пускаемые ею по стенам блики, и эта реминисценция услужливо вернула ей осознание того, где именно она находится. В Санкт-Петербурге, на 5-й линии Васильевского острова в четырехкомнатной квартире, принадлежащей ее бабушке. В той самой квартире, в которой Маше предстояло провести наступивший год.

Такое странное условие поставила бабушка, которую Маша до этого видела только один раз в жизни. Тогда ей исполнилось четыре года, и на день рождения родители приехали с ней в Санкт-Петербург, познакомить с папиным родным городом и папиной мамой, Алиной Аркадьевной Стрельниковой.

Как известно, память четырехлетнего ребенка непроизвольна и фрагментарна, поэтому Машины воспоминания из той поездки были скудными и рваными, похожими на лоскутное одеяло. Из всей бабушкиной квартиры она запомнила только длинные темные коридоры, довольно сильно напугавшие ее, саму бабушку, сидящую в кресле-качалке, надменную и величественную, с неизменной пахитоской в руках, и вот эту сверкающую на солнце люстру.

Собственно Санкт-Петербург остался в воспоминаниях только зоопарком с огромным слонем и очень вкусным мороженым. Оно растаяло на солнце, и Маша обкапала свое нарядное платье, а мама безуспешно пыталась оттереть липкое пятно носовым платком, который папа смочил водой из бутылки.

Да, там был слон, а еще воздушный шарик, ей купленный после того, как размазали пятно еще больше и махнули на него рукой. У тележки с шариками Маша застряла надолго и смотрела на них как зачарованная, и папа купил и торжественно вручил ей один, ярко-красный, и Маша потом весь день носила его за собой, а вернувшись к бабушке, привязала к спинке стула, и сейчас стоящего у окна.

Или шарик купили сначала, а мороженое позже, и Маша обляпалась именно потому, что ей неудобно было одной рукой держать его и снимать бумажную обертку, поскольку вторая рука занята шариком? Сейчас, спустя тридцать с лишним лет, и не вспомнишь, что было сначала, а что потом.

Что она помнила совершенно четко, так это лица родителей, счастливые и очень молодые. Больше никогда не видела она у них таких счастливых лиц. Через полгода после той поездки, зимой, папа уехал от них навсегда, и Маша больше его не видела. Она знала, что родители развелись и папа покинул Новосибирск, а они с мамой остались. Как-то, уже в старших классах школы, Маша попыталась выведать у мамы, что послужило причиной развода, но та лишь упрямо сжала губы и попросила эту тему не затрагивать.

Маша послушалась, как всегда. А после того, как сама «сходила замуж» и развелась, поняла, что причиной разлада в родительской семье, скорее всего, стала другая женщина. Поняла и успокоилась. Если за тридцать лет отец ни разу не захотел узнать, как живет его дочь, значит, и ей про него знать совсем не обязательно.

Не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал. Исходя из этой житейской мудрости, Маша привыкла считать отцом маминого второго мужа Ивана Петровича Кораблева, растившего ее

с тех пор, как ей исполнилось семь. Иван Петрович отвел Машу в первый класс, искренне ее любил и различий со своим родным сыном Петькой не делал, а Маша хоть и не звала его папой, но таковым считала. Так и жили до тех пор, пока в эту устоявшуюся привычную жизнь внезапно не ворвалась бабушка по отцу. Актриса Стрельникова из Санкт-Петербурга.

В Машинной памяти бабушка была случайным, давно стершимся и почти забытым воспоминанием. За все годы после развода родителей Алина Аркадьевна ни разу не поинтересовалась внучкой, не прислала ни одного подарка, да что там подарка, хотя бы письма. Бабушка осталась в прошлом, так же как отец. И ее возникновение из небытия произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Бабушка позвонила по телефону, чудом сохранившемся с тех времен, когда Машины родители еще жили вместе. Вернее, и квартира сохранилась, та самая двухкомнатная панелька в спальном районе Новосибирска, которую когда-то папа получил как молодой специалист. Вообще-то это было сродни чуду – бесплатная квартира от предприятия. В 1990 году такое, конечно, еще происходило, но уже становилось редчайшим явлением.

Система жилищного обеспечения, существовавшая в советское время, уже трещала по швам. Но оборонный завод, на который папа приехал работать добровольно, да еще и после окончания аспирантуры, мог себе позволить подобную роскошь. По закону, бывшим аспирантам, приехавшим из другого региона, обязаны были предоставить жилье вне очереди.

Папа подходил под этот критерий, тем более что привез с собой молодую беременную жену. В общем, квартиру они получили, а в 1991 году приватизировали. Была она небольшая, общей площадью метров в сорок, и располагалась в типовом панельном доме, сплошь обвешанном антеннами и спутниковыми тарелками. Двор тоже был типовым: с детской площадкой, на которой, правда, не имелось ничего, кроме горки и качелей, скамейками у подъездов и небольшим парковочным карманом для машин.

Из окна своей комнаты, выходящего на улицу, Маша, просыпаясь, видела березы, тополя и рябины, растущие вдоль тротуара, зеленые летом, желтые и красные осенью, покрытые снежными шапками зимой. Если сесть на подоконник, то можно увидеть проезжую часть дороги с автобусами и автомобилями, а чуть дальше остановку. И маленькая Маша любила залезать на подоконник, уютно устраиваться там за шторами, отрезая себя от окружающего мира. Лет до пяти она считала проезжающие машины: сколько красных, сколько белых и зеленых, а также автобусы, останавливающиеся для высадки и посадки пассажиров.

Научившись читать, она уже ничего не считала, а брала с собой книжку, погружаясь в прекрасные вымышленные миры. Ее любовь к книгам зародилась именно тогда – на подоконнике, изначально узком и неудобном, но расширенном папой, который умел совершенно все. Руки у него были золотыми.

После школы Маша поступила учиться на библиотекаря. В 2008 году, когда она получила аттестат зрелости, в Новосибирском государственном педагогическом университете открыли кафедру социально-культурной и библиотечной деятельности, ставшую единственным в городе местом, где готовили библиотекарей и специалистов культурно-досуговой сферы с высшим образованием.

Маша с искренним интересом погрузилась в изучение основ библиотечного дела, информационных технологий, методов работы с фондами, электронных каталогов и цифровых ресурсов. На первом же курсе она вышла замуж, и не из-за безумной влюбленности, а потому что пришла пора освобождать комнату, которую они делили на двоих с братом.

Мама с Иваном Петровичем спали на диване в гостиной, а они с Петькой – на двухъярусной кровати в маленькой комнате, где из-за двух школьных столов и шкафа было не развернуться. Пока Петька был маленьким, Маша спала наверху, потом они с братом поменялись ярусами, но восемнадцатилетней студентке и десятилетнему подростку становилось все труднее сосуществовать на четырнадцати квадратных метрах, а у Машиного молодого человека

– сына богатых родителей – имелась своя двухкомнатная квартира, что и заставило девушку согласиться на сделанное ей предложение.

Мама ее замужество и переезд восприняла с плохо скрываемым облегчением, а вот Иван Петрович тревожился.

– Хотя с детьми не спешите, – вздыхал он. – Тебе образование надо получить, чтобы от мужа не зависеть. Хотя специальность ты себе выбрала такую, что на хлеб хватит, а вот на масло уже вряд ли. Поживи для себя. На то, чтобы понять, годится твой муж в отцы или нет, нужно время.

Маша была вовсе не против того, чтобы завести детей. Она считала, что без них семья никак не может считаться настоящей, а вот муж ее, делающий первые шаги в отцовском бизнесе, не хотел торопиться. Он вообще не стремился ни к чему, что сделало бы их стремительно созданную ячейку общества настоящей семьей. Заполучив Машу в собственность, он тут же перестал обращать на нее внимание.

Он допоздна задерживался на работе, ходил по ресторанам один, потому что этого требовал бизнес, пропадал в бесконечных командировках, ни в чем себе не отказывал. В его жизни довольно быстро появились другие женщины, о чем Маша сначала не подозревала, а потом, когда догадалась, еще какое-то время старалась жить так, словно ничего не происходит.

Она не любила мужа, в чем тоже полностью отдавала себе отчет. От его измен ей не становилось больно, только противно. И не уходила она только потому, что идти ей было некуда. Не возвращаться же в родительскую квартиру, в комнату к подростшему брату, в которой даже двухъярусной кровати больше нет. К тому моменту, как Маша окончила институт и устроилась на работу в Областную детскую библиотеку имени Горького, она уже поняла, что семейная лодка разбилась о быт.

Развод был делом времени, а Маша слишком хорошо помнила, какую боль ей причинило расставание родителей. Она маленькой очень любила отца, вокруг которого вращалась вся ее жизнь, и его исчезновение стало для нее огромным ударом. Своим детям она не желала подобной участи. Выйдя замуж в восемнадцать лет, Маша развелась, когда ей исполнилось двадцать шесть. Еще довольно долго продержалась, учитывая бесконечные измены мужа и тот образ жизни, который он вел.

В последние пару лет муж пристрастился к алкоголю, частенько приходил домой пьяным, а если и нет, то напивался дома, перед телевизором. На развод Маша подала после того, как муж в первый раз ее ударил. Из скромной библиотечарской зарплаты в тридцать тысяч рублей пришлось выкроить пять тысяч в месяц на съем жилья. Точнее, самая скромная однушка стоила четырнадцать тысяч, и эта сумма была для Маши неподъемной, поэтому она сняла комнату у одинокой старушки, с которой по вечерам охотно пила чай, покупая к нему печенье курабье. Они обе его очень любили.

Старушку звали Марфа Васильевна, и она оказалась совершенно чудесной, с прекрасным характером. Они с Машей отлично ладили и даже еду готовили по очереди, и когда два месяца назад, после восьми лет совместной жизни Марфа Васильевна умерла, Маша искренне горевала, как будто потеряла родную бабушку, которой у нее никогда не было.

Мама, так уж получилось, выросла в детдоме. То, что папа женился именно на ней, стало причиной серьезного разлада его отношений с собственной матерью, в результате которого он ушел из дома, забрал маму и уехал из Санкт-Петербурга в Новосибирск. Некоторое потепление в отношениях наметилось спустя пять лет, именно в то лето, когда они приезжали в город на Неве, чтобы показать четырехлетнюю Машу бабушке, но из этой затеи, видимо, не вышло ничего хорошего, потому что они погостили несколько дней и вернулись, а спустя полгода папа ушел навсегда.

Да, Марфа Васильевна заменила ей бабушку. Она пекла пироги и учила этому Машу, она варила сказочное варенье, летом из клубники и костяники, а еще из жимолости, осенью

из яблок и брусники, а также из ирги. Она непревзойденно запекала карпа в сметане, а еще потрясающе готовила домашние пельмени, уху и строганину.

– Традиционная кухня Новосибирска и Новосибирской области сформировалась под влиянием разных культур: кочевников, переселенцев, городской интеллигенции и восточных соседей, – наставляла она Машу, с готовностью постигающей азы кулинарии. – В ней преобладают сытные блюда из мяса и рыбы с добавлением местных приправ – черемши, дикого лука, папоротника и трав. И я это все обязательно использую.

До того как выйти на пенсию, Марфа Васильевна преподавала в школе домоводство. Когда-то давным-давно у нее был муж, летчик-испытатель, погибший при выполнении задания. Больше она замуж не выходила и осталась бездетной. После смерти квартира ее отошла племянникам, детям сестры, которые жили в Москве и старушкой при жизни совершенно не интересовались.

Приехали на похороны, организованные Машей, назавтра после поминок сходили к нотариусу, чтобы огласить завещание, и уехали, даже не оставшись до девятого дня, любезно разрешив Маше пожить в квартире полгода, необходимые для официального вступления в права наследства. За эти полгода ей предстояло найти новое жилье. Срок истекал в конце января, но к двадцатым числам декабря Маша так и не подыскала ничего подходящего.

После смерти Марфы Васильевны она погрузилась в какое-то странное безразличие, не позволяющее ей даже начать поиски. Она искренне горевала по старушке. Как бы то ни было, ее уютную комнату предстояло освободить через месяц, и Маша понятия не имела, куда податься. Впереди маячили новогодние праздники, в этом году необычайно длинные, во время которых любая деловая активность сводится к нулю. Сидя в гостях у родителей, Маша в очередной раз выслушивала от мамы, какая она беспечная и неорганизованная, и именно в этот момент и раздался телефонный звонок от Алины Аркадьевны Стрельниковой, круто изменивший Машину жизнь.

Взявшая трубку мама даже не сразу поняла, кто звонит, а осознав, изменилась в лице. От первой свекрови, когда-то выгнавшей из-за нее из дома родного сына, она не ждала ничего хорошего. Но бабушка (это слово применительно к Алине Аркадьевне давалось Маше трудно) умела заставить себя выслушать. Ее предложение звучало неожиданно и одновременно дико заманчиво.

Алина Аркадьевна в уходящем году отметила восьмидесятилетний юбилей. В своем более чем солидном возрасте она наконец задумалась о том, кому завещать принадлежащую ей четырехкомнатную квартиру в самом сердце Санкт-Петербурга, а также все хранящиеся в ней ценности. Выбор пал на Машу, ее единственную внучку, о чем она и сообщила оторопевшей бывшей невестке. Правда, завещание обременялось единственным условием: Маша должна была переехать к бабушке в Питер и прожить с ней в той самой квартире не менее одного года.

– Я понимаю, что стара и могу помереть раньше, – с усмешкой сказала Стрельникова. – Поэтому завещание составлю сразу, как только девочка даст согласие. Если я уйду в мир иной раньше заявленного срока, что ж, ей просто повезет захватить солидный куш, не выполнив своей части сделки. Но если я переживу этот год, а она уедет от меня раньше, то я просто снова изменю завещание.

– А если вы останетесь живы, Маша вытерпит ваше соседство в течение года, но потом решит съехать? – уточнила мама.

– Боишься, что ей ради квартиры придется терпеть меня всю мою оставшуюся жизнь? – хмыкнула Стрельникова. – Ну, во-первых, это в любом случае не так уж и долго. А во-вторых, ты, может быть, не помнишь, но я всегда держу свое слово. Если Маша проживет со мной год, то я обещаю не менять завещание. Оно останется в силе, даже если она и решит меня покинуть. Адрес квартиры ты помнишь?

– Впечатался в память, – сквозь зубы ответила мама.

– Тогда пусть Маша даст телеграмму с датой своего приезда.

– Вы так уверены, что мы согласимся? – не выдержала мама.

– Да, уверена. Ни один человек в здравом уме и твердой памяти добровольно не откажется от наследства, тянущего на несколько десятков миллионов рублей. Но я вполне допускаю, что ваша дочь может оказаться блаженной или такой же упрямой, как ты и мой сын. В этом случае она способна отказаться от моего предложения. Если я не получу телеграмму в течение двух месяцев, я приму это за отказ и предложение будет считаться дезавуированным. Все понятно?

– Вполне, – пробормотала мама, после чего услышала в трубке короткие гудки.

– Тебе не стоит туда ехать, – рассуждала мама позже, когда они сидели за столом, обсуждая звонок свалившейся как снег на голову бабушки. – Это унижительно, идти у нее на поводу и принимать предложение, высказанное в подобной форме. Да и вообще. Нет никаких гарантий, что она сдержит свое слово. Я ни разу не видела от нее ничего доброго.

– Люди меняются. Прошло тридцать лет, – заметила Маша.

– Это не тот случай. Алина Стрельникова – самый эгоистичный человек из всех, кого я видела в своей жизни. Она всегда думала только о себе. Вряд ли это изменилось. Ваня, чего ты молчишь?

– А что мне говорить? – пожал плечами отчим. – Я никогда не видел эту старуху и, зная тебя, склонен верить твоим словам о ее характере и повадках. Но четырехкомнатная квартира фактически в центре Петербурга... Это целое состояние, и мы не можем своей волей лишать Машу такой возможности. В конце концов, старуха права, терпеть придется не так долго. Год пролетит быстро, а потом можно вернуться домой. Зато когда-нибудь, продав эту квартиру, Маша сможет купить новую где угодно. Хоть в Питере, хоть в Новосибирске. У нее нет своего жилья, и шансов его приобрести тоже нет. И мы ей в этом помочь не сможем. И вот судьба дает ей этот шанс. А ты, дочка, как считаешь?

Маша молчала. В глубине души она уже знала, что поедет в далекий и незнакомый Питер, и не потому, что хочет получить в наследство квартиру. Эта поездка обещала стать захватывающим приключением. Оно включало в себя переезд, полную смену обстановки, огромный прекрасный город, который Маша никогда не видела (та поездка в четыре года не в счет), но отчего-то любила заочно, знакомство с бабушкой, судя по всему той еще штучкой, новую работу, новые знакомства и, почему бы и нет, новую любовь.

Плюсом ко всему неожиданное предложение поступило как раз в тот момент, когда Маше предстояло освободить комнату в квартире Марфы Васильевны. Никаких других вариантов, куда переехать, кроме Питера, не предвиделось, так что звонок бабушки оказался крайне своевременным. А что касается того, что ей предстояло прожить со старым и, по сути, незнакомым человеком, ближайший год, так такой опыт у Маши имелся. И восемь лет, которые она провела рядом Марфой Васильевной, тому подтверждение. Они неплохо ладили. Маша была уверена, что и с бабушкой сумеет найти общий язык. О чем и сказала маме.

На следующий день она написала заявление об увольнении, обдумала план действий, купила билет на самолет и отбила телеграмму по адресу, который дала мама, с сообщением, что прилетит в Питер двенадцатого января. Встречать Новый год в незнакомом месте ей не хотелось, да и билеты на последние числа декабря уже раскупили. Что ж, она отпразднует с родными, за новогодние каникулы разберет свои вещи, освободит квартиру Марфы Васильевны и отправится в новую жизнь.

Так она и поступила, и сегодня проснулась в незнакомом месте, не сразу поняв, где находится. Маша какое-то время еще поразглядывала потрясающую хрустальную люстру. Наверное, пора вставать.

Часы на телефоне показывали шесть утра, и Маше понадобилось сделать усилие, чтобы понять, по какому это времени. По питерскому, да. В Новосибирске уже десять. Немудрено,

что она уже выпалась. Ее самолет приземлился накануне днем в половине четвертого. Пока Маша получила багаж и на такси добралась до Васильевского острова, стало уже пять часов.

От долгого перелета она устала, перед знакомством с бабушкой перенервничала, так что после ужина смогла лишь кое-как разложить вещи в выделенной ей комнате, после чего упала в кровать и уснула. Несмотря на восьмой час вечера, ее глаза слипались, потому что в Новосибирске время приближалось к полуночи. Да, она проспала десять часов, более чем достаточно.

Интересно, может ли она встать, или столь ранний подъем разбудит бабушку? Бывшая актриса, наверное, привыкла поздно вставать? Впрочем, Маша теперь тут живет и имеет полное право устанавливать собственный распорядок дня, а не подлаживаться под чужое расписание. В конце концов, на работу, которую ей еще предстоит найти, тоже придется просыпаться рано.

Она вылезла из постели, устроенной на широком раскладном диване, как была, в пижаме и босая, подошла к окну, выглянула наружу. Там было еще темно. Предутренняя мгла рассеивалась лишь ярким фонарем, заставлявшим мерцать волшебную люстру, находившуюся в зоне попадания достаточно мощного светового потока. Маша вдруг подумала о том, что хрусталь идеально вымыт. Запыленные или замутненные грани снижали бы отражение и дисперсию уличного света. Интересно, бабушка сама такая чистюля или у нее есть помощница по хозяйству?

Окно комнаты выходило на перекресток Пятой линии Васильевского острова с Бугском переулком. В свете фонарей виднелись доходные дома девятнадцатого-двадцатого веков, типичные для этого района. Какое-то время Маша с интересом разглядывала кирпичную кладку, лепнину и карнизы. Немного сбоку виднелись знаменитые питерские дворы-колодцы. А еще какой-то парк, засыпанный сейчас снегом. В интернете Маша нашла, что это сад Академии художеств. А еще обнаружила, что практически в соседнем доме находится Василеостровский рынок. Что ж знакомство с этим удивительным городом ей еще предстоит.

Вчера за ужином Алина Аркадьевна, которую язык не поворачивался называть бабушкой, рассказала, что дом, в котором жила она и где теперь предстояло жить Маше, построили в 1860 году в эклектичном стиле. Когда-то здесь все квартиры назывались барскими, пятикомнатными, но потом не раз перестраивались.

Стрельниковская квартира на четвертом этаже, к примеру, была четырехкомнатной, площадью в сто пятьдесят квадратных метров, и состояла, помимо гостиной, бабушкиной спальни, кабинета и гостевой комнаты, отведенной теперь Маше, еще из пятнадцатиметровой кухни, длинного, практически бесконечного коридора, довольно большой ванной, туалета и просторной кладовки.

Маша плохо помнила, как выглядела квартира тридцать лет назад, сейчас же здесь уже сделан современный ремонт. От темных коридоров, пугавших ее четырехлетнюю, не осталось и следа. Интерьер в светлых тонах казался воздушным и в то же время идеально сочетался со старинной, явно антикварной мебелью и картинами на стенах. Да, актриса Стрельникова явно не бедствовала. Интересно, с каких доходов это все.

Четырехлетней Маше, как она помнила, входило в бабушкину спальню категорически воспрещали. Она и сейчас, знакомясь с квартирой, не стала переступать порога той комнаты. Спальня – вещь интимная, особенно у женщины, пусть даже ей и исполнилось восемьдесят. В кабинет с книжными стеллажами под потолок и старинным креслом-качалкой Машу в детстве тоже не пускали. Она помнила, как через порог заморожено смотрела на мерно раскачивающуюся в кресле бабушку с неизменной пахитоской в зубах.

Конечно, бабушка курила не классические папиросы из мелкого резаного табака, завернутого в кукурузный лист, а тонкие сигареты, вставленные в длинный, очень изящный резной мундштук. Но Маше нравилось устаревшее слово «пахитоска», означающее изысканный табак, доставляемый из-за границы, чаще всего из Испании. Пахитоски курили героини Толстого,

Тургенева и Розанова. В памяти всплыла фраза из «Воскресения»: «У кушетки ее столик с кофе, и она курила пахитоску», – и все это очень подходило актрисе Стрельниковой.

Конечно, в четыре года Маша с великой русской литературой знакома не была и слова такого не знала, но сейчас, получив приглашение приехать в Санкт-Петербург и старательно вызывая в памяти бабушкин образ, почему-то подумала именно про пахитоску. За весь вчерашний вечер Алина Аркадьевна ни разу не закурила, так что насколько детские воспоминания совпадали с реальностью, Маша пока не поняла.

Они с родителями останавливались тогда в той самой четвертой комнате, в которой теперь ей предстояло жить целый год. Комната была самой маленькой, узкой, похожей на пенал, но все необходимое в ней имелось. Диван, на котором Маша провела свою первую в Санкт-Петербурге ночь, оказался удобным, шкаф, где она развесила свою одежду, вместительным. Еще в комнате имелись комод, этажерка для книг, кресло и столик у противоположной стены, а также два старинных стула с гнутыми спинками и ножками и новой обивкой из тисненого жаккарда. Жить можно.

Когда она начала раскладывать свои пожитки, заглянула Стрельникова, бросила оценивающий взгляд на раскрытый чемодан, разверстую сумку и небольшой рюкзачок, брошенный на диван.

– Это что, все твои вещи?

Маша вспомнила такую же фразу из любимого ею фильма «Девчата» и знакомую пренебрежительную интонацию, с которой она произносилась. Вспыхнула от неловкости. В этой богато обставленной квартире она чувствовала себя чужой, а впрочем, по сути, ею и являлась.

– Ладно, это мы исправим.

Интересно, как. В ближайшие же дни Маше предстояло найти работу, потому что ее накоплений могло хватить на пару месяцев жизни в Питере, не больше. Но даже если ей повезет и работа найдется быстро, вряд ли ее доход позволит сильно разнообразить немудреный гардероб. А то, что у внезапно проявившейся в ее жизни бабушки денег она не возьмет, это же очевидно.

Стоя у окна, Маша почувствовала, что босые ноги начали замерзать. Кроме того, ей внезапно захотелось есть, да так сильно, словно она голодала несколько дней. И это несмотря на ужин, который Стрельникова вчера приготовила к ее приезду. Точнее, слово «приготовила» тут не со-всем уместно. Блюда на столе оказались доставленными из ресторана.

– Я готовить не люблю, да и не умею, – сказала Алина Аркадьевна, заметив немое Машино удивление. – Ты это имей в виду. На неделе еду готовит Галина, но в выходные она не приходит, так что я обхожусь готовой едой из супермаркета или ресторанов. Если захочешь – присоединишься, а нет, так кухня в твоём полном распоряжении.

– А я готовить люблю, – призналась Маша. – Меня Марфа Васильевна научила. Правда, для себя одной я у плиты стоять ленилась, да и странно это – затеваться с разносолами для себя, но буду не против стараться для нас двоих, если ты... вы... не против.

– Я бы предпочла, чтобы ты звала меня по имени. Алиной, – правильно оценила ее короткую заминку Стрельникова. – И чтобы это не выглядело фамильярностью, на вы. Так нам обоим будет проще. Я не стремилась становиться бабушкой, а сейчас уже поздно, как мне кажется.

– Хорошо, – спокойно кивнула Маша.

Ее подобная договоренность вполне устраивала. Не было в ее жизни бабушек. Только Марфа Васильевна, которую она называла на вы и по имени-отчеству. Ну, и незачем что-то менять. Про себя она решила, что поживет в Питере неделю-две, чтобы понять, как отзываются ей город и совместное проживание со Стрельниковой. Если что-то пойдет не так, всегда можно вернуться в Новосибирск. Мучить себя и жить под одной крышей с неприятным человеком она не станет даже ради наследства, каким бы оно ни было.

Вчера вечером Алина Аркадьевна вела себя нормально, их первая встреча не стала для Маши тяжелым испытанием. А что дальше – посмотрим. Она отошла от окна, натянула тапочки и халат и, стараясь не шуметь, отправилась на кухню готовить завтрак.

Глава вторая

На сегодня был назначен большой прием в честь приезда Маши в Санкт-Петербург. Об этом ей сообщила Алина, которую Маша, тихонечко прокравшись на кухню, обнаружила уже там. Несмотря на рань, ее восьмидесятилетняя бабушка сидела за столом, накрытым белой скатертью, пила кофе из изящной маленькой чашечки и курила ту самую пахитоску.

Тонкая сигарета, вставленная в изящный мундштук, дымилась. Алина держала ее слегка на отлете, делая аккуратный глоток и тут же ставя чашечку на блюдце. Фарфор оказался очень дорогой, китайский. Маша в этом разбиралась, потому что как-то в библиотеке ей попала книга о фарфоре, и она, неожиданно увлекшись, проштудировала ее от корки до корки. Содержащаяся в ней информация завораживала Машу и звучала как музыка.

Изделия китайского производства, особенно эпохи династий Мин и Цин, считались самым дорогим фарфором в мире. К примеру, так называемая куриная пиала, представляющая собой миниатюрную винную чашу периода правления Чэнхуа, то есть датируемая 1465–1487 годами, с изображением петуха, курицы и цыпленка на фоне цветка. Ее продали в 2014 году на аукционе «Сотбис» в Гонконге за тридцать шесть миллионов долларов. На тот момент это был мировой рекорд для китайского фарфора. И немудрено, ведь сохранилось всего четырнадцать таких пиал.

Или фарфоровая чаша с летящими ласточками на фоне персиковой ветви эпохи Цин, то есть XVIII века, она годом ранее была продана на том же гонконгском аукционе за девятнадцать с половиной миллионов долларов. Фарфоровую вазу, тоже восемнадцатого века и эпохи Цин, купил богатый китайский промышленник за восемьдесят четыре миллиона долларов.

Конечно, чашка, из которой бабушка невозмутимо пила кофе, столько не стоила, но все-таки, Маша это видела, была именно китайского фарфора и довольно старинной, а значит, дорогой. Прочитанная книга не делала Машу экспертом, но навскидку белая чашка с так называемой подглазурной росписью кобальтом, тонкой текстурой, гладкой поверхностью и изящной формой «тянула» тысяч на тридцать – сорок. Рублей, разумеется. Маша бы боялась даже пыль с нее вытирать, не то что невозмутимо пить кофе.

– Разбираешься? – Алина правильно оценила ее взгляд.

Маша перешагнула порог.

– Немного. Из какой китайской мастерской ваша чашка?

– Разбираешься, – констатировала Алина. – Судя по характерному клейму, Цзиндэжэнь. Это один из главных центров производства фарфора в Китае.

– Да, я знаю. Мастерские там открыли в десятом веке, а в эпоху династии Юань город стал центром фарфорового производства в стране.

Во взгляде Алины мелькнуло что-то странное, едва уловимое. Удивление? Уважение?

– Да-а-а. Пожалуй, я не ошиблась. Проходи, чего ты встала. Где лежит кофе – знаешь, варить не буду – извини. Никогда ни за кем не ухаживала и слишком стара, чтобы меняться.

Маша заверила, что ухаживать за ней не надо, и принялась готовить себе завтрак. Молока в холодильнике не нашлось, так что от привычной каши пришлось отказаться. Она сделала омлет, вместо молока влив в него сливки для кофе. И кофе сварила тоже, вымыв для того стоящую в раковине маленькую турку. Алина за ее действиями наблюдала молча.

– Что планируешь сегодня делать?

– Для начала прогуляюсь тут неподалеку, познакомлюсь с окрестностями. И продукты нужно купить. А потом разобраться с существующими вакансиями.

– В первый же день?

– Да, я не могу позволить себе долго не работать.

– С голоду помереть я тебе не дам, – заметила Алина с легкой усмешкой. – Кстати, таскать продукты из магазина – это прошлый век. Напиши, что тебе надо, я все равно собираюсь доставку заказывать. У нас сегодня гости.

– Гости?

– Да. Я устраиваю прием в честь твоего приезда. Должна же ты познакомиться с моими друзьями. Некоторые из них наши соседи, так что видаться придется часто. К тому же сегодня старый Новый год. Я уже много лет его не отмечаю, хотя раньше в этом доме была такая традиция. Но сегодня решила сделать исключение. Как я уже сказала, в честь твоего приезда.

Меньше всего на свете Маша хотела, чтобы ради нее делались какие-то исключения из существующих в этом доме правил.

– Так что тебе заказать?

– Спасибо, ничего не нужно. – Она решила, что молоко и овсянку обязательно купит сама. Это был вопрос самоуважения. – Я могу помочь с приготовлением еды.

– Да, я помню. Ты говорила, что хорошо готовишь. Но не нужно. В десять придет Галя и все сделает.

Да, вчера Алина говорила, что у нее есть домработница, которая на неделе не только убирает, но и готовит. Что ж, в повседневной жизни так проще, а если захочется проявить кулинарные способности, то вряд ли ей это запретят.

– Во сколько придут гости? – уточнила Маша, закончив колдовать над своим омлетом.

– В семь. Пожалуйста, будь готова к этому времени.

– Хорошо. А вы всегда так рано встаете?

– Да, я ранняя пташка. Даже в молодости была жаворонком, а сейчас и вовсе могу проснуться в четыре утра. А ты? Любишь поспать подольше?

– Может, и люблю. Никогда не имела возможности это проверить, – сухо сообщила Маша.

Наскоро поев и выпив кофе, она вымыла за собой посуду, невзирая на сообщение Алины, что делать это необязательно. Вешать на домработницу еще и свое обслуживание она не станет. Затем Маша оделась потеплее, потому что на улице сегодня довольно морозно, крикнула удалившейся в кабинет бабушке, что уходит, и отправилась обследовать окрестности района, на ближайший год становящегося ей родным.

Согласно интернет-картам, до знаменитой Стрелки Васильевского острова идти предстояло примерно километр. Не так и далеко. Минут через десять Маша уже любовалась Биржевой площадью, где и находится один из главных символов Санкт-Петербурга, Ростральные колонны, а также открывающимся панорамным видом на Неву.

Кунсткамеру она решила отложить на потом, хотя антропология и этнография ее, разумеется, интересовали. Интерактивный музей оптики Университета ИТМО тоже. В перечень близких мест, запланированных для посещения, попали также музей-аптека доктора Пеля и музей при Академии художеств имени Репина. И все это – даже не отходя далеко от дома. Да, в свободное от работы время она точно найдет чем заняться. И даже если сосуществование с Алиной окажется не самым приятным, всегда можно найти занятия, чтобы приходиться домой только спать.

Перед назначенным на вечер большим приемом Маша решила не обедать, зато периодически заходила в попадавшиеся на пути кофейни, пекарни и булочные. В бабушкину квартиру она вернулась только в пять часов вечера, чтобы привести себя в порядок, переодеться и определить, не требуется ли ее помощь.

Помощь не требовалась. Большой стол в гостиной оказался уже раздвинут и накрыт белой скатертью. Если на кухне использовалась моющаяся скатерть, не боящаяся нагревания, то при организации торжества Алина на уступки не шла. Скатерть здесь была туго накрахмаленная, хрустящая и такая кипенно-белая, что при взгляде на нее даже глазам становилось больно.

На краю стола разместили несколько хрустальных лафитников: с водкой, коньяком и чем-то красным, похожим на клюквенную или брусничную настойку. Вино тоже имелось, но стояло в стороне, на дубовом комоде, рядом с декантером, куда его, видимо, планировалось перелить. Ну да, разливать вино из бутылки – дурной тон. Оно должно «подышать» перед подачей на стол, чтобы насытиться кислородом и чтобы осел осадок, который может образовываться в выдержанных винах. Маша о таком только в книгах читала, в повседневной жизни сталкивалась с подобным ей не приходилось. Не того размаха была ее более чем скромная жизнь.

Посуду уже расставили. Тарелки, разумеется, были фарфоровыми, а рюмки, фужеры и стаканы – хрустальными. Под каждой тарелкой лежала вдетая в серебряное кольцо накрахмаленная льняная салфетка, ножи и вилки тоже оказались серебряными, Маша специально рассмотрела пробу, подтверждающую, что это не мельхиор.

У них дома «парадный» гостевой набор вилок, ложек и ножей был как раз мельхиоровым, на всех выгравировано слово «Нерж», и Маша выросла с убеждением, что так называется город, в котором изготавливали такие красивые столовые приборы. Лишь став взрослой, она узнала, что гравировка означала лишь нержавеющий металл. Ух, какое она тогда испытала разочарование.

На стол уже поставили тарелки с соленьями, к коим относились грузди с луком, рыжики, маринованные белые грибы, а еще маленькие помидорки, хрустящие огурчики и черемша. Отдельно стояли мясная и рыбная нарезки, а также ваза с фруктами и блюдо с маленькими, на один укус, пирожками.

Маша как раз гадала, с чем они могут быть, когда незнакомая полная женщина лет пятидесяти, одетая в белый фартук, внесла и водрузила на стол поднос с большим пирогом, по виду курником.

– Здравствуй, – немного нараспев сказала женщина. – Ты, стало быть, Маша. А я Галя, Галина Ивановна. Будем знакомы.

– Добрый вечер. Приятно познакомиться.

– Голодная, поди. Целый день по улицам бегала. Я, когда в Питер, приехала, почти сутки по городу проходила. Никак не могла остановиться. Но то летом было. А зимой удовольствия особо нет, холодом дышать и снежную кашу месить. Ты попробуй пирожки. Они с капустой, с мясом и с грибами. Заодно отведаешь, вкусные ли.

– Твои, Галя, пирожки, да не вкусные, – усмехнулась входящая в гостиную Алина. – Ты заливное из осетра не забудь с холода достать.

– С холода? – не поняла Маша. – Это из холодильника или, может, с балкона? Так давайте я принесу.

– Переодевайся да руки мой, – оборвала ее порыв Алина. – И без тебя есть кому принести. А с холода – это из холодной кладовой. Ты никогда о таких не слышала?

О том, что в старых петербургских домах, особенно в доходных, часто предусматривались специальные холодные помещения – неотопливаемые кладовые, которые использовались для хранения продуктов, Маша не только слышала, но и читала. Она напрягла память.

«Так вырос, а совсем не изменился, – просияла тетушка и умчалась куда-то в холодную кладовую». Это цитата из книги Виктории Лукьяновой «Марс, Сириус и Лис». А еще у Анны Дашевской в ее «Бюро расставаний»: «С завтраком у жильцов первого этажа все было просто: умылся, пошел на кухню и сам себе заварил чай или кофе. Что нашел в холодной кладовой – то и твое».

Она просто не знала, что в бабушкиной квартире тоже имелся такой элемент быта, о чем и сказала.

– Пойдем – покажу, – махнула рукой Галина Ивановна. – Заодно и правда поможешь.

Алина бросила на нее недовольный взгляд, но дом-работница предпочла его проигнорировать. Маша же послушно пошла за ней. Холодная кладовая оказалась небольшой комнаткой,

примыкающей к кухне, метров в семь, не больше. Дверь в нее вела из коридора. Галина Ивановна мимоходом поведала, что когда-то была и вторая дверь, выходящая прямо на лестницу. Черный ход, сейчас заделанный.

Маше вручили большое блюдо с заливным осетром, которое она осторожно понесла в гостиную, страшась уронить. У накрытого стола замерла, не зная, куда поставить столь дорогое блюдо. Галина Ивановна пришла следом, забрала ценную ношу, водрузила в самый центр, отошла на шаг, любуясь делом своих рук.

– Еще что-нибудь принести? Там в кладовой я салаты видела.

– Салаты еще рано, через полчаса расставлю, чтобы прогрелись до комнатной температуры, но не потекли. А на горячее я гуся сделала с яблоками, так он еще в духовке. Гурьевская каша пока запекается. Мы всегда ее к Новому году подавали. И по новому стилю, и по старому. Ну, когда еще старый Новый год отмечали до того, как... – Она вдруг резко оборвала свой рассказ и немного помолчала. – Ты вот что, девка, если можешь, мусор вынеси, чтобы перед гостями не завонялся. Можешь?

– Конечно, – с готовностью подхватила Маша. – Вы только расскажите, где у вас мусорные баки стоят.

Она сунула ноги в дутые сапожки, практичные, непромокаемые, теплые и нескользкие, накинула свой немаркий пуховик, предусмотрительно прикрывающий попу, чтобы не дуло, вместо шапки натянула на голову капюшон и выскочила на лестницу, держа в руках два увесистых пакета с мусором.

Контейнерная площадка располагалась в соседнем дворе, Маша добежала до нее, чувствуя, как задувает ветер в капюшон, и ежась от пронизывающего холода. Она успела снять свитер, которым утеплилась утром, и в одной футболке под пуховиком было зябко. В Новосибирске температура гораздо ниже, но холод не ощущался так остро, как здесь, видимо из-за влажности. Что ж, и к этому придется привыкнуть.

На обратном пути она быстро нырнула в подъезд, который правильно следовало называть парадной, да Маша все время забывала, и с размаху влетела в какого-то человека, не ожидавшего «нападения», а потому с трудом удержавшегося на ногах. Вскрикнула от неожиданности.

– Ч-черт, – пробормотал он.

Маша непроизвольно отметила, что лексика была цензурной. По нынешним временам это много значило.

– Простите, – покаянно сказала она. – Хотелось быстрее в тепло.

– Смотрите в следующий раз, – пробурчал человек, оказавшийся мужчиной в очках, кажется, ее ровесником. – Так можно и себя, и других покалечить.

– Я же уже извинилась, – уязвлено ответила Маша. – Но простите еще раз, я не специально. В следующий раз буду внимательнее.

– Матвей, что тут у тебя?

По лестнице спускался еще один мужчина примерно того же возраста, может, чуть старше. Лицо у него было интеллигентное и какое-то завораживающе приятное. Маша даже загляделась.

– Да вот, Артем, девушка пытается объяснить, что чуть не сбила меня с ног, потому что замерзла.

– Уважительная причина, – протянул мужчина. – Ладно, если жертв и разрушений нет, то мы, пожалуй, пойдем. Всего доброго.

– До свиданья, – пробормотала Маша.

Домой она вернулась с каким-то смутным ощущением испорченного настроения, хотя взяться ему было совершенно неоткуда. Не от собственной же неловкости оно испортилось. Даже самой себе она была не готова признаться, что мужчина по имени Артем произвел на нее

впечатление. Надо ж такому случиться, что в его глазах она выглядела плохо держащейся на ногах растяпой. Хорошо хоть столкнулась она не с ним, а с его спутником по имени Матвей.

Как выглядел тот, Маша не запомнила, потому что внешность его показалась ничем не примечательной. А еще он на нее явно рассердился. Даже не попрощался. Интересно, кто из них живет в этом же доме? Матвей или Артем? Если второй, то, может быть, есть шанс когда-нибудь встретить его снова?

– Мария, скоро гости придут, а ты так до сих пор и не переоделась. – В прихожую, где Маша застыла столбом, выглянула бабушка, всплеснула руками, от чего Маша тут же снова остро почувствовала свое несовершенство.

– Я бегу, Алина, я быстро, – виновато пообещала она и прошла в свою комнату, загадав: если встретит Артема еще раз, то все в ее питерской жизни обязательно сложится хорошо.

Глава третья

После семи начали приходить гости. Первой появилась весьма пожилая дама, представившаяся Полиной Григорьевной. Судя по тому, что пришла она без пальто и в легких туфельках на низком каблучке, жила дама в этом же подъезде, то есть парадной. Полина Григорьевна выглядела хрупкой, как фарфоровая статуэтка. Невысокого роста, с очень прямой спиной и низким тяжелым узлом совершенно седых гладко зачесанных волос на затылке, она держала торт, похоже – собственноручно испеченный.

– Ты одна? – удивилась Алина, приняв торт и тут же не глядя передав его услужливо подставившей руки Галине Ивановне. – А внук твой где?

– Придет-придет, у него появились срочные дела, но обещался непременно быть.

– Вот и славно, проходи. Мария, знакомься. Полина Григорьевна – моя соседка и друг. Всю жизнь проработала аккомпаниатором в консерватории. Она чудесно играет на рояле, – жаль, у меня его нет, а то музыкальное сопровождение вечера было бы нам гарантировано. У нее сейчас живет внук, чудесный мальчик, просто чудесный. Когда он придет, я вас познакомлю.

Раздался новый звонок в дверь, и на пороге появился представительный, импозантный седовласый мужчина, по виду ровесник Алины. Он был в парке с мехом, дорогой и весьма стильной, и опирался на трость с резным набалдашником. Знакомься с Машей, представился Викентием Аполлинарьевичем, язык сломаешь.

– Мария, знакомься, Викеша, мой давний и самый преданный друг. Он адвокат, как и твой покойный дед. Они вместе работали в одной коллегии адвокатов. Но мой супруг специализировался на уголовных делах, а Викеша – на гражданских. После того как я стала вдовой, он очень поддерживал меня и продолжает делать это все эти годы.

– Малинка, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. – Викентий Аполлинарьевич припал к ручке, а потом на правах старого и преданного друга расцеловал Машу в обе щеки. – Это я дал несравненной Алине Аркадьевне столь чудесное прозвище – Малинка. Мне кажется, оно ей очень идет. Я всегда был готов стать для вашей бабушки кем-то бóльшим, но она категорически не хотела слушать о новом замужестве.

– Нет-нет, хозяин в этом доме мог быть только один. Мой покойный супруг, – объяснила Алина Маше. – Кроме того, я актриса, у меня всегда были поклонники, это нормально для творческого человека. Мой супруг это понимал, а вот ты, Викеша, всегда был слишком ревнив. А отчего? От неуверенности в себе, мой дорогой. Только она всему причина.

Ее слова явно задели Викентия Аполлинарьевича за живое. Он изменился в лице, но ответить не успел, потому что пришел следующий гость. Точнее, гостья. На вид ей можно было дать лет пятьдесят, но Маша отметила некоторую неестественность и даже скованность ее лица, на котором отпечатались явные следы пластической операции. Так что, возможно, она гораздо старше. А еще дама оказалась очень стройной, точнее худой и грациозной. Она пришла без верхней одежды, значит, тоже соседка.

– Знакомься, девочка. Это Алтыnguль Мураталиева, в прошлом очень известная балерина.

– Алина, нельзя быть известной в прошлом. Ты, как актриса, должна это знать, – с легкой укоризной сказала гостья. – Здравствуйте, Мария, рада с вами познакомиться.

Маша не совсем искренне ответила, что тоже рада. Она не любила чужих людей и сильно от них уставала. Кроме того, все бабушкины гости были, что называется, «не из простых». Впрочем, от Алины Стрельниковой не следовало ожидать чего-то иного.

Еще двое гостей пришли вместе. Они оба тоже были намного моложе Алины. Мужчина, одетый в пальто с меховым воротником, казался неувлимо похожим на Шаляпина, каким его

изобразил Кустодиев, и, судя по всему, этого портретного сходства он добивался осознанно. Женщина скинула ему на руки норковую шубку и осталась в платье с открытыми плечами, немного неуместном на пусть и торжественном, но все-таки домашнем приеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.